

2.2. Рубежный 1956 год

2.2.1. Постановка вопроса о культе личности Сталина

В сборнике документов Президиума ЦК КПСС, посвященном ходу реабилитации до XX съезда КПСС, опубликована рабочая запись обсуждения 5 ноября вопроса «О 21 декабря», то есть о предстоящем дне рождения Сталина. Согласно этой записи, Хрущев, поддержанный Шепиловым и Первухиным, предложил эту дату «отмечать только в печати», а торжественного собрания «не проводить». Им возразил Каганович, сославшийся на решение ЦК о собраниях на заводах.

– Народом будет воспринято нехорошо, если не будем проводить собрания, – заявил Ворошилов.

За то, чтобы не проводить собрания, высказались Булганин и Микоян. Последний пошел еще дальше, предложив:

– Сталинские премии есть, а Ленинских нет. Надо обдумать. Почему никто не ставит этого вопроса?

Каганович, судя по всему задетый какими-то репликами Хрущева, сказал:

– Меня атаковать с этих позиций нет оснований. Я поддерживаю линию ЦК против культа личности. Расхождений у меня с тобой, товарищ Хрущев, нет. Но есть оттенок. Не намерен вести борьбу против тебя. Предлагаю лишь сформулировать решение – как отметить день рождения Сталина.

Сабуров заявил, что Хрущев «правильно поставил вопрос». А тот посчитал необходимым напомнить, как «кадры перебили», в том числе «военные». В спор снова вмешался Ворошилов:

– Все, что говорили, правда. Но есть еще одна сторона: меня выгнали, но я и это прощал {650}.

В итоге решили принять постановление «О мероприятиях в связи с днем рождения И.В. Сталина», в котором было признано необходимым 21 декабря «осветить его жизнь опубликованием статей в печати и в передачах по радио», а также приурочить к этому дню «присуждение Международных Сталинских премий». Заметим в скобках, что в этом обсуждении не принимали участия Молотов и Маленков. Первый из них продолжал бесплодные переговоры в Женеве о конкретизации договоренностей, к которым пришли там летом главы государств и правительств «большой четверки», а второй или находился в отпуске, или приболел.

Итак, «напряжение» в отношениях между членами Президиума ЦК появилось, и его смягчению отнюдь не способствовали разногласия по поводу других новаций, предлагавшихся Хрущевым при подготовке отчетного доклада. В том его проекте, что помечен 28 декабря, в разделе «1. 5. Некоторые принципиальные вопросы международного развития» содержалось не только обоснование политики мирного сосуществования, но и говорилось об объективных предпосылках для того, чтобы «избежать новой мировой войны, несмотря на то, что империализм существует», а также о новых перспективах в деле перехода стран и наций к социализму, о возможности при этом использования и парламента {651}.

Как поведал полтора года спустя на июньском пленуме 1957 г. заведующий общим отделом ЦК В.Н. Малин, по долгу службы протоколировавший заседания Президиума ЦК, Хрущеву его коллеги ставили в вину и утверждение о возможности предотвращения войны в современную эпоху, и вывод о появлении новых форм перехода к социализму, и предложение о расширении контактов с некоммунистическими партиями (прежде всего, социал-демократическими). «Каганович выступил и говорит:

– Как вы позволяете отступать от принципов диктатуры пролетариата? Вы делаете отступление от ленинизма!» {652}.

Именно тогда и стал обозначаться перелом в вопросе о сталинских репрессиях. К Хрущеву пришел Микоян и стал один на один ему пересказывать справку, подготовленную по его просьбе Л.С. Шаумяном: оказывается, большая часть делегатов XVII съезда ВКП(б) и избранных на нем членов ЦК была репрессирована. Хрущев слушал внимательно. Микоян же высказался за то, чтобы внести в Президиум ЦК предложение о создании авторитетной комиссии, которая изучила бы все документы НКВД, прокуратуры, Верховного Суда и добросовестно разобралась бы во всех делах о репрессиях и подготовила бы доклад для съезда. Ввиду важности вопроса комиссия должна состоять из членов Президиума ЦК (Хрущева, Молотова, Ворошилова, Микояна и др.). Хрущев согласился, но внес поправку:

– Во-первых, мы очень перегружены, и нам трудно практически разобраться во всем. И во-вторых, не следует в эту комиссию входить членам Политбюро, которые близко работали со Сталиным. Важнее и лучше включить туда товарищей авторитетных, но близко не работавших со Сталиным.

И предложил поставить во главе комиссии секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова. Микоян с этим согласился, хотя и оговорился, что доверять ему всецело нельзя, ибо он был и остается просталински настроенным. «Словом, – вспоминал Микоян, – договорились, что этот вопрос обсудим на Президиуме и он подумает, как первый секретарь ЦК» {653}.

30 декабря 1955 г., докладывая Президиуму ЦК «вопросы, связанные с реабилитацией», Хрущев предложил разобраться в причинах массовых репрессий против членов ЦК 17-го созыва, создав для этого комиссию (Поспелов, Комаров, Аристов, Шверник), поручив ей «просмотреть все материалы». Затем Булганин зачитал письмо недавно реабилитированной О.Г. Шатуновской об обстоятельствах убийства Кирова, в частности о личном допросе Сталиным его убийцы Николаева, сведения о которых были ею получены во время заключения, а исходят, якобы, от одного из ленинградских чекистов. Ворошилов, не дослушав, крикнул:

– Ложь!

А затем высказался в том смысле, что чекисты, охранявшие Кирова, не могли быть

источниками таких сведений, ибо были убиты. Молотов уточнил:

– Дело было со старшим чекистом. Мы беседовали втроем с Николаевым. Сталин при нас беседовал с ним. Ударов не было.

Высказал свое мнение Микоян:

– Когда произошло событие, Сталин был возбужден. Чекисты приложили руку к делу.

– Если проследить, пахнет нехорошим, – сказал Хрущев и предложил поручить товарищам из КГБ вызвать тех, кто может располагать какими-либо дополнительными и уточняющими данными.

– Это ничего не даст. По документам надо проверить, – заявил Молотов.

Выступили также Первухин, Сабуров, Кириченко и Маленков. Суть их предложений сводилась к тому, что надо посмотреть в делах Ягоды и Ежова, а также в следственном деле начальника Ленинградского управления НКВД Медведя {654}. О нужности и составе комиссии не спорили. Ей поручили изучить все материалы о массовых репрессиях в 1937-1940 гг. {655}

Президиум же ЦК вплотную занялся проектом директив по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956-1960 гг. 13 января 1956 г. он принял этот проект за основу, поручив комиссии во главе с председателем Совета министров Н.А. Булганиным внести в него соответствующие изменения. А среди них было «указание на более ускоренное развитие сельского хозяйства и промышленности, производящей товары народного потребления» {656}. 14 января проект этот с поправками был утвержден {657}.

Между тем комиссия Поспелова принялась за порученное ей дело очень энергично. В Президиум ЦК пошла систематическая информация о собранных ею фактах. Причем не только из архивов НКВД, прокуратуры и Верховного Суда. Согласно указаниям члена комиссии секретаря ЦК А.Б. Аристова местные чекисты направляли ему сведения о репрессиях в 1937-1938 гг. в регионах. Так, только в Челябинской области за эти два года было арестовано более 25 тысяч человек, из них свыше 13 тысяч были приговорены к высшей мере наказания. О том, насколько обоснованы были эти репрессии, свидетельствовало то, что при перепроверке архивно-следственных дел на 943 осужденных в то время только 2 человека признаны действительно виновными в предъявленных им обвинениях {658}.

И все чаще возникал вопрос: что с этими фактами делать? Принятое в конце концов решение доложить об этом съезду далось Хрущеву нелегко. Пришлось ему прибегать к самым разнообразным приемам, умело используя аппарат ЦК. Так, 20 января 1956 г. он получает и тут же рассылает своим коллегам по «коллективному руководству» письмо от члена партии с 1917 г., заместителя начальника политотдела ГУЛАГа А.В. Снегова: «Начиная с X по XVII съезд партии я присутствовал на всех съездах партии. На 18 и 19 съездах я не мог присутствовать по известным вам причинам. Прошу предоставить мне возможность присутствовать на XX-м съезде, выдав мне постоянный гостевой билет». В тот же день это письмо было разослано членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, а также секретарям ЦК {659}.

Отказать такому заслуженному человеку было неудобно. Но вслед за этим на свет божий появляется «список реабилитированных старых большевиков для приглашения на съезд» из 12 человек, в числе которых были Шатуновская, Снегов и Мильчаков, а затем другой – из 13 человек – бывших секретарей столичных райкомов и бывшего помощника самого Хрущева {660}. Появление этих списков могло стать дополнительным аргументом в пользу включения в отчетный доклад ЦК раздела или параграфа о культе личности Сталина и его последствиях.

В субботу 21 января Хрущев выступил в Большом Кремлевском дворце перед юношами и девушками, отличившимися на целине. Фотокорреспонденты зафиксировали присутствие в ложах на авансцене других членов Президиума ЦК и секретарей ЦК {661}. В понедельник 23 января все они, плюс еще Шверник, присутствовали там же на открытии очередной сессии Верховного Совета РСФСР. Оба мероприятия были довольно рутинными. И, как часто в таких случаях бывало, первые лица страны предпочитали коротать время (причем не только в перерывах между заседаниями, но и во время них) в комнате отдыха за авансценой, за чашкой чая обсуждая более насущные и злободневные вопросы.

Вот там-то, судя по всему, и разгорелись с новой силой споры, вызванные предложением Хрущева использовать материалы комиссии Поспелова в отчетном докладе ЦК съезду, – споры,

которые сам Хрущев позже, в своих воспоминаниях неверно относит к более позднему времени, когда уже шел съезд {662}.

В представленном Хрущевым 25 января 1956 г. новом проекте отчетного доклада и в решении Президиума ЦК от 30 января принять его за основу нет еще даже намек на вопрос о культе личности {663}.

Однако Хрущев не бездействовал. Наряду со спорами со своими коллегами по Президиуму ЦК, он предпринимал и другие меры негласного порядка. Свидетельством определенной договоренности, если не прямого поручения, может служить и второе письмо Снегова, от 1 февраля: «Уважаемый Никита Сергеевич! Как вы считали нужным, – передаю проект своего выступления на ваше усмотрение. Само собой разумеется, что заранее принимаю все ваши изменения и поправки. Если вы сочтете необходимым коренную переделку, – то просил бы эти указания дать мне лично» {664}.

В тот же день на заседание Президиума ЦК из тюрьмы доставили бывшего следователя по особым делам МГБ СССР Б.В. Родоса. После его допроса ни у кого уже не могло оставаться сомнений, если таковые и были, что репрессии и пытки – это не результат злой воли «плохих» чекистов, а заранее спланированное самим Сталиным и им же руководимое истребление неугодных ему людей.

– Видите, какие полууголовные элементы привлекались к ведению таких дел. Виноваты повыше. Виноват Сталин.

– Товарищ Хрущев, хватит ли у нас мужества сказать правду? – спросил его Аристов.

– Ежов, наверное, не виноват, честный человек, – продолжал гнуть в нужную ему сторону Хрущев.

Ему помогали Микоян, Пospelов и Серов, напомнив, что и декрет о борьбе с террором был принят 1 декабря 1934 г. по настоянию Сталина, и что лимиты на аресты в 1937 г. утверждались им лично. Хрущев согласился, что «в докладе еще, может быть, добавить» и сказать об этом. Его поддерживают Первухин, Булганин и Микоян. Хрущев предлагает проверить дело Тухачевского, Якира, Уборевича и других военных, в том числе разобраться с письмом Сталину от чехословацкого президента Бенеша по поводу этой группы.

Молотов, вроде бы, непротив, но высказывает мнение, что «Сталина как великого руководителя надо признать». Микоян возражает ему, припомнив:

– А ты, товарищ Молотов, поддерживал...

– Нельзя в такой обстановке решать вопрос, – накинулся на него Каганович. – Нельзя так ставить вопрос, как товарищ Шепилов ставит о плакатах (то есть нарочито односторонне. – Ю. А). Надо все взять. Многое пересмотреть можно, но 30 лет Сталин стоял во главе.

Молотов продолжил:

– Нельзя в докладе не сказать, что Сталин – великий продолжатель дела Ленина.

– Возьмите историю, – прервал его снова Микоян. – С ума можно сойти!

– Если верны факты, – разве это коммунизм? – бросил реплику Сабуров. – За это простить нельзя.

«Правильно посмотреть на факты», – призвал Маленков:

– Правильно ставится вопрос. Сказать надо партии.

– Знали ли мы? – спросил Первухин и ответил. – Знали. Но был террор. Тогда не могли что-либо сделать. И партии обязаны объяснить это, сказать и на съезде и на пленуме.

– Всю правду, – уточнил Булганин. – Сказать, что Сталин из себя представляет: состав ЦК 17-го съезда ликвидировал! Я не согласен с товарищем Молотовым, что он великий продолжатель. В докладе можно обойтись без этого, не говорить, что он продолжатель, не раздувать его личность.

– Партия должна знать правду, но преподнести ее надо, как жизнью диктуется, – призывал к осторожности и взвешенности Ворошилов. – Тот период диктовался обстоятельствами. Но страну мы вели по пути Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Мерзости было много, правильно говорите, товарищ Хрущев. И доля Сталина в этом была, была. Не можем мы пройти мимо этого. Но надо подумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка. Дело серьезное. Исподволь к нему подходить надо.

– Нельзя оправдать этого ничем, – говорил Суслов. – За несколько месяцев мы узнали

ужасные вещи. Сталин Двинскому (ответственному работнику аппарата ЦК ВКП(б), посланному им в 1937 г. на работу первым секретарем Ростовского обкома. – Ю. А.): «10-15 человек на район осталось, и хватит». А возьмем дело Сланского (генерального секретаря ЦК Компартии Чехословакии. – Ю. А.): звонок был из Москвы. Не славословить его надо. Культ личности еще больший вред наносит.

Молотов присоединился к мнению Ворошилова:

– Правду восстановить надо. Но ведь правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. И неправильности были, и позорные дела – тоже факт. Все надо соразмерить. Поэтому вряд ли успеем перед съездом сказать.

Подводя итоги обмена мнениями, Хрущев призвал решать этот вопрос в интересах партии:

– Сталин – преданный делу социализма. Но вел это дело варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял.

Он согласился, что говорить на съезде о массовом терроре не стоит. (Заметим, кстати, что речь ведь шла не о массах, не о народе, как жертве системы, а о ее становом хребте – партии, вернее, о ее руководителях). Но линию в отношении Сталина, считал Хрущев, «надо наметить», отвести ему свое место, почистить плакаты, литературу, – другими словами, «усилить обстрел культа личности», взяв в помощь Маркса – Ленина {665}.

К 3 февраля 1956 г. относится указ Президиум Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда К.Е. Ворошилову в честь его 75-летия. В традиционном приветствии от ЦК КПСС и Совета Министров СССР он характеризовался как «верный ученик великого Ленина, один из выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства» {666}. Упоминание о Сталине, ранее обязательное для такого рода документов, впервые отсутствовало. Этот факт с полным правом можно квалифицировать как первый реальный симптом приближающегося большого разговора о культе личности и его главном носителе. О внезапности такого решения, принятого в узком кругу, свидетельствует и то, что в приветственных телеграммах К.Е. Ворошилову от руководителей братских коммунистических и рабочих партий он по-прежнему именовался учеником Ленина и ближайшим соратником Сталина. Тогда же решался и вопрос о приглашении на съезд ветеранов из числа несправедливо репрессированных, но затем реабилитированных. 3 февраля Президиум ЦК поручил Секретариату ЦК рассмотреть вопрос о выдаче гостевых билетов «группе коммунистов, которые были в прошлом неправильно исключены из партии и ныне восстановлены в рядах КПСС» {667}.

Но не слишком ли много будет «свидетелей обвинения»? И не стоит ли разбавить их другими известными ветеранами, не подвергавшимися репрессиям? 4 февраля заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Е.И. Громов вносит предложение пригласить на съезд в качестве гостей 25 человек и прилагает их список. Постоянные гостевые билеты на все заседания предполагалось выдать 20 из них, в том числе В.П. Антонову-Саратовскому, С.И. Гопнер, С.С. Дзержинской, Г.М. Кржижановскому, Г.И. Петровскому, Е.Б. Стасовой, Л.А. Фотиевой. А из перечисленных в уже упомянутых списках репрессированных, но реабилитированных гостевые билеты, причем только разовые, «на отдельные заседания», должны были получить лишь 5 человек, в том числе и Снегов!? {668}

4 и 5 февраля 1956 г. Хрущев направляет членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, а также секретарям ЦК еще один проект отчетного доклада. Там содержалось обещание построить 38 млн. квадратных метров жилья уже в этом году и 205 млн. за пятилетие {669}. И были зафиксированы все внешнеполитические новации. Но о культе личности – опять ни слова!

9 и 13 февраля Хрущев рассылает им же поправки, внесенные в этот проект, в том числе поправку Молотова, предложившего дополнить вывод о возможности использовать и парламентский путь для перехода к социализму с оговоркой о необходимости давать «решительный отпор оппортунистическим элементам, не способным отказаться от политики соглашательства с капиталистами и помещиками». Хрущев посчитал молотовские поправки приемлемыми и сообщил, что включает их в проект {670}. Именно в эти дни и был решен вопрос о зачитании на съезде отдельного доклада о культе личности Сталина.

9 февраля 1956 г. Президиум ЦК заслушал сообщение комиссии Пospelова. В нем говорилось, что «1935-1940 годы в нашей стране являются годами массовых репрессий советских граждан» и что в эти годы «было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1920635 человек, из них расстреляно 688503 человека»{671}. Приводимые в сообщении факты были настолько ужасающими, что «в особенно тяжелых местах текста Пospelову было трудно читать, один раз он даже разрыдался», – вспоминал Микоян{672}.

При обсуждении Хрущев, Первухин и Микоян подчеркивали, что приведенные цифры и документы, в том числе за подписью Сталина, раскрывают несостоятельность его как вождя.

– Что за вождь, если всех своих уничтожает? Надо проявить мужество, сказать правду.

Они высказали мнение, что продумать, как это сделать, конечно, надо. Но съезд должен знать:

– Если не сказать, – тогда проявим нечестность по отношению к съезду.

– Может быть, товарищу Пospelову составить доклад и рассказать о причинах культа личности, к чему ведет концентрация власти в одних руках?

– В нечестных руках.

– Где сказать? На заключительном заседании съезда.

– А делегатам съезда раздать отпечатанные завещание Ленина и его письмо по национальному вопросу{673}.

Судя по воспоминаниям Хрущева, речь шла о том, дополнять ли отчетный доклад ЦК съезду соответствующим разделом. И именно на этом заседании Президиума ЦК ему пришлось напомнить своим соратникам, что при обсуждении отчета каждый член руководства «имеет право выступить на съезде и выразить свою собственную точку зрения, даже если она не совпадает с основными положениями отчетного доклада»{674}. Ему не было нужды говорить им, что он готов сам выступить, если потребуется, и высказать свою точку зрения на аресты и казни. К тому же он и Микоян, по утверждению сына последнего, прибегли к своеобразному блефу, выразив «озабоченность», как бы на съезде не выступил Снегов, а что он будет говорить, одному Богу известно{675}.

Когда Хрущев диктовал свои воспоминания, он утверждал, что не помнит точно, кто после этого персонально поддержал его: «Думаю, что это были Булганин, Первухин и Сабуров... Возможно, Маленков тоже поддержал меня»{676}. Вполне вероятно, что кто-то из них и проявил инициативу, направленную на достижение компромисса:

– Раз вопрос ставится так, видимо, лучше сделать еще один доклад.

Тут все вынуждены были согласиться, что придется. Но, может быть, лучше всего это сделать не сейчас, с кондачка, а на следующем съезде? Ведь надо хорошенько подготовиться, изучить дополнительные материалы, все взвесить. Но Хрущев, вырвав у своих оппонентов принципиальное согласие, решил дожать их до конца:

– На 21-м уже будет поздно, если мы вообще сумеем дожить до того времени и с нас не потребуют ответа раньше. Поэтому лучше всего сделать второй доклад теперь{677}.

Молотов согласился, что на съезде о Сталине все же надо сказать. Но «не только это», а и то, что он – продолжатель дела Ленина, кстати, и по национальному вопросу.

– 30 лет мы жили под руководством Сталина, индустриализацию провели, после Сталина вышли великой партией.

Судя по последующим репликам его оппонентов, он был против публикации последнего ленинского письма по национальному вопросу с критикой сталинской концепции автономизации.

Схожую линию защиты Сталина занял Каганович. Предложение Хрущева заслушать доклад он назвал правильным. Он был даже не против того, чтобы раздать ленинские завещание и письмо.

– Историю обманывать нельзя. Факты не выкинешь. Мы несем ответственность. Но обстановка была такая, что мы не могли возражать.

Сославшись на историю своего брата, попавшего в опалу и покончившего жизнь самоубийством, Каганович продолжил:

– Но мы были бы нечестны, если бы, говоря об истреблении кадров, стали говорить, что вся борьба с троцкистами была неоправданна. Я согласен с товарищем Молотовым, чтобы

сделать все с холодным умом. Да, мы переживаем. Но чтобы не развязать стихию, редакцию доклада преподнести политически. Хладнокровно надо подойти, чтобы 30летний период не смазать.

Правильным посчитал предложение Хрущева и Булганин:

– Члены партии видят, что мы изменили отношение к Сталину. Если съезду не сказать, будут говорить, что мы струсили. То, что вскрылось – мы не знали. Списки на 44 тысячи – невероятный факт. Надо быть ближе к правде. На два этапа роль Сталина разделить. На втором он перестал быть марксистом. Как сказать? На базе [концепции] культа личности. Сталин и партия [не одно и то же]. Нельзя приписывать Сталину [все заслуги партии] {678}.

Другими словами, Булганин выступал за то, чтобы партия не брала на себя все грехи своего вождя.

Выразив согласие «довести до партии» то, что стало сегодня известно Президиуму ЦК, Ворошилов в то же время высказался за осторожный подход к этому делу, за более основательную подготовку:

– Мы не в отпуску. Всякая промашка влечет последствия. Напомнив Кронштадский мятеж и выступление «новой оппозиции» на XIV съезде, он продолжил мысль Кагановича:

– Враги были, были. Сталин осатанел в борьбе с ними. Были и звериные замашки. И тем не менее у него много было человеческого {679}.

– Я не осуждаю Сталина, когда вели идейную борьбу с троцкистами, – заявил Микоян. – Но за провал в сельском хозяйстве разве можно простить? Если бы люди были живы – успехи были бы огромны. Мы не можем не сказать об этом съезду. Сказать надо спокойно, что до 34-го года он вел себя героически, а после показал ужасные вещи, узурпировал власть.

За то, чтобы доложить на съезде, высказался и Первухин:

– В этом докладе о положительной стороне не требуется говорить. Сказать как есть: узурпировал власть, ликвидировал ЦК и Политбюро, кадры истреблял – мы по тяжелой промышленности темпы потеряли.

– Надо делегатам съезда рассказать все, – заявил и Суслов. – О коллективности руководства говорим, а со съездом будем хитрить?

Говоря о характере доклада, он высказал мнение о неуместности давать в целом характеристику Сталина, в основном правильным он посчитал деление деятельности Сталина на два этапа:

– В 36-м и 37-м годах сколько перебито! Кривая 36-39 годов [дает] минимальные темпы [развития. Но и] до 1934 г. Сталин был во многом не прав. Решение XV съезда об опубликовании ленинского завещания не было выполнено.

Правильным посчитал предложение сказать съезду и Маленков:

– Мы испытываем чувства радости от того, что оправдываем товарищей, но объяснить их оправдание нельзя, не объясняя роли Сталина. Никакой борьбой с врагами не объяснить, почему перебили кадры. «Вождь» действительно был «дорогой».

В то же время он высказался за то, чтобы не делить деятельность Сталина на два этапа, «не делать доклада о Сталине вообще», а связать все с культом личности.

– Мы этим восстанавливаем Ленина по-настоящему. У Сталина к Ленину проскальзывали нехорошие настроения {680}.

Недостойным членом Политбюро назвал Аристов то, что было общим в выступлениях Молотова, Кагановича и Ворошилова, – «не надо говорить, мы этого не знали, а делегаты, мол, люди острые». И выразил уверенность в том, что «партия авторитет не потеряет» {681}.

Против оговорок («как бы не потерять величие Сталина») выступил и еще один секретарь ЦК КПСС Н.И. Беляев.

– Сейчас ЦК не может молчать, иначе предоставить улице говорить, – сказал Шверник. – Съезду надо правду сказать, культ личности разоблачить, кошмар – три раза косили людей.

За то, чтобы сказать о роли Сталина до конца, высказался и Сабуров:

– Молотов, Каганович, Ворошилов неправильную позицию занимают, фальшивят. Один Сталин, а не два. Это не недостатки, как говорит Каганович, а преступления... В послевоенный период испортил отношения со всеми народами, потеряли многих из-за глупой политики (выступления о проливах, Берлин, Корея).

Сказав, что в свое время «писали о Сталине от сердца», хотя и «шевелились глубокие сомнения по событиям 1937 года», Шепилов также посчитал необходимым сказать партии правду:

– Иначе нам не простят. [Надо] сказать, что партия не такая, что [ей не] нужно было миллионы заточать, что государство наше не такое, что [ему не] надо было сотни тысяч посылать на плаху.

Но в то же время, полагал он, следует продумать, в каких формах сделать это, «чтобы не было вреда».

– Не может быть вреда, – заверил первый секретарь ЦК КП Украины и член Президиума ЦК КПСС А.И. Кириченко, оговорившись, что сказать следует «разумно». По его мнению, следовало бы назвать всех тех, кто реабилитирован, и «решение от съезда вынести».

– На съезде ЦК должен высказаться, – сказал посол в Польше П.К. Пономаренко. – Гибель миллионов людей неизгладимый след оставляет. Трезво об этом периоде и роли Сталина надо сказать.

Подводя итоги прений, Хрущев констатировал, что расхождений по вопросу, что съезду надо об услышанном сегодня сказать, нет, были оттенки, которые следует учитывать.

– Все мы работали со Сталиным, но это нас не связывает. Раз выявились факты, необходимо сказать о них, или [получится, что] мы оправдываем [его] действия. Не [надо] бояться. [Но надо и] не быть обывателями, не смаковать. Развенчать до конца роль личности.

И сформулировал выводы:

– На съезде доклад поставить. Секретарей ЦК всех подключить [к его составлению]. Кто будет делать доклад – обдумать. Может быть, на пленуме ЦК старого состава сказать, что хотим поставить такой-то вопрос {682}.

На этом же заседании было решено считать необходимым ознакомить делегатов съезда с неопубликованными документами Ленина, имея в виду прежде всего его политическое завещание с рекомендацией заменить Сталина на посту генерального секретаря и записку Сталину о разрыве личных отношений в случае, если тот не извинится перед его женой за допущенную к ней грубость.

В архивных делах XX съезда имеется выписка из протокола № 188 заседания Президиума ЦК от 13 февраля 1956 г. Вот что там говорится: «Об открытии Пленума ЦК КПС. Поручить открыть Пленум ЦК КПСС первому секретарю ЦК т. Хрущеву Н.С. Внести на Пленум предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности. Утвердить докладчиком т. Хрущева Н. С.» {683}.

Сам Хрущев, если верить его мемуарам, вначале назвал Пospelова: ведь тот председательствовал в комиссии, составил записку, которая сейчас и является предметом обсуждения, пусть переделает ее в доклад и зачитает на съезде. Ему стали возражать: по такому важному вопросу должен выступить не один из секретарей, а именно первый секретарь, так как в отчетном докладе об этом нет ни слова, то не будет ли выступление Пospelова воспринято как свидетельство разногласий в руководстве {684}. Как видим, пребывая в твердом убеждении, что не дело верховного органа партии знать (а, значит, и судить) об отсутствии единства среди членов Президиума ЦК по отдельным вопросам, и, мало того, опасаясь любой утечки информации об этом, сами они, порою, оказывались из-за этого в настолько уязвимом положении, что были вынуждены давать свое согласие на шаги, против которых решительно и категорически возражали.

Вполне возможно, что сказывался и дефицит времени, о котором упоминает Каганович: в зале пленумов ЦК уже собрались его участники и ждали появления своих руководителей.

В этих же делах XX съезда находится и подлинник (за подписью Хрущева) протокола состоявшегося в тот же день пленума Центрального Комитета. Документ этот небольшой, всего на четырех машинописных страницах, из коих первые две занимает перечисление присутствующих. Любопытно, что среди них находились и люди, чья партийная карьера уже закончилась своего рода опалой: бывший первый секретарь Ленинградского обкома В.М. Андрианов, бывший министр внутренних дел С.Н. Круглов, бывший главком военно-морского флота Н.Г. Кузнецов, бывший секретарь ЦК С.Н. Шаталин и другие. Пленум открыл и председательствовал на нем Хрущев. Он же один и говорил. Правда, весьма коротко:

– Нам нужно будет условиться о докладе, договориться. Повестка дня была утверждена в свое время Пленумом, докладчики тоже были утверждены – все эти вопросы решены. Другие вопросы, связанные со съездом, мы будем решать на совете делегаций. Нам нужно договориться насчет доклада. Президиум рассмотрел этот доклад и одобрил. Как члены Пленума? Доклад идет не от Президиума, а от Пленума Центрального Комитета. Как, будет ли Пленум заслушивать доклад?

Речь пока что шла об отчетном докладе, который, по идее, вроде бы должен был быть обсужден и одобрен Центральным Комитетом. Но намек был понят. И тут же раздались голоса:

– Одобрить! Завтра услышим!

Хрущев словно ждал эти реплики и сделал следующий вывод:

– Тогда будем считать, что доклад принимается Пленумом Центрального Комитета и поручается его сделать на съезде. Микоян подхватил:

– Пленум доверяет рассмотрение доклада Президиуму ЦК. Хрущев же продолжил:

– Есть еще один вопрос, о котором здесь нужно сказать. Президиум Центрального Комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина чувствует и считает необходимым поставить на XX съезде партии, на закрытом заседании (видимо, это будет в то время, когда будут обсуждены доклады и будет обсуждение кандидатов в руководящие органы Центрального Комитета: членов ЦК, кандидатов и членов Ревизионной комиссии, когда гостей никого не будет) доклад от ЦК о культе личности. На Президиуме мы условились, что доклад поручается сделать мне, первому секретарю ЦК. Не будет возражений?

Возражений не последовало, после чего Хрущев, объявив, что «все вопросы, которые следовало на нашем Пленуме решить, мы решили», объявил заседание закрытым {685}.

О чем же свидетельствует протокол этого пятиминутного пленума? Прежде всего о том, что вопрос, оглашать или нет доклад о культе личности, был к тому времени решен положительно. Решено также было, что сделает это сам Хрущев, но непременно на закрытом заседании, когда будут обсуждаться кандидатуры в ЦК следующего созыва.

Дать генеральный бой теперь можно было, разве что развернув открытую полемику против всей новой «генеральной линии» на самом съезде. Между тем два из трех противников постановки вопроса о культе личности (К.Е. Ворошилов и Л.М. Каганович) никакой слабину в этой линии тогда не усматривали. В.М. Молотов же, по его собственному признанию, очень долго и с разных сторон обдумывал такую возможность, но не решился: «Не готова была партия к этому. Нас бы просто вышибли... Если бы мы встали, никто не поддержал бы. Нет, никто». Под словами «не готова была партия» Молотов подразумевал незыблемость ленинско-сталинского «демократического централизма», безоглядную ориентацию на авторитет руководителя, вернее сакрализацию его поста, наконец, безоглядный страх перед расколом в партии, «В лучшем случае мог произойти раскол. Я этого тоже боялся» {686}.

14 февраля 1956 г. в Большом Кремлевском дворце открылся XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. К удивлению некоторых членов Президиума, в зачитанном Хрущевым отчетном докладе ЦК не оказалось слов о роли Сталина («под руководством которого партия на протяжении трех десятилетий осуществляла ленинские заветы»).

Две недели назад, когда Президиум рассматривал и утверждал отчет, эти слова были, а теперь исчезли. «Началась новая линия – только осуждать Сталина», – констатировал позже Молотов {687}.

Во втором разделе отчетного доклада, посвященном внутреннему положению, Хрущев затронул вопрос о культе личности.

– ЦК, – сказал он, – решительно выступил против чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности, который превращает того или иного деятеля в героя-чудотворца и одновременно умаляет роль партии и народных масс... Распространение культа личности принижало роль коллективного руководства в партии и приводило иногда к серьезным упущениям в нашей работе {688}.

Тем, кто внимательно читал тогда партийную прессу, фразы эти были не в новинку. Однако на сей раз они были произнесены с трибуны съезда, что придавало им дополнительный

вес, И хотя имя этой личности названо не было, вряд ли делегаты сомневались, кто подразумевался под «героем-чудотворцем».

О готовящейся сенсации знало немало число делегатов и гостей съезда. Их к этому исподволь готовили. Уже на утреннем заседании съезда 16 февраля член Президиума ЦК и секретарь ЦК М.А. Суслов говорил о значительном ущербе, который наносили партийной работе теория и практика культа личности, получившие распространение до XIX съезда. Они не только «умалили роль партии, принижали коллективное руководство», но и «приводили к бесконтрольности и даже произволу в работе отдельных лиц» и «порождали односторонние, а подчас и ошибочные решения вопросов»{689}.

О том, что у партии в течение примерно 20 лет не было коллективного руководства, говорил в тот же день на вечернем заседании еще один член Президиума ЦК А.И. Микоян{690}. Он же первым произнес имя Сталина в весьма критическом плане: известное высказывание автора «Экономических проблем социализма в СССР» о расколе мирового капиталистического рынка после войны и о том, что объем производства в США, Англии и Франции «будет сокращаться», по мнению Микояна, «вряд ли может нам помочь и вряд ли является правильным»{691}. Открыто поставив под сомнение саму принадлежность этой, считавшейся «выдающейся», работы к классическим трудам марксистской политэкономии, Микоян призвал и историков по-новому осветить многие факты и события, изложенные в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)». Он высмеял тех из них, кто те или иные повороты в революции и гражданской войне объяснял «якобы вредительской деятельностью отдельных тогдашних руководителей, много лет спустя после описываемых событий неправильно объявленных врагами народа». И пораженный этими словами зал услышал имена В.А. Антонова-Овсеенко и С.В. Косиора, причем названных «товарищами», что на партийном новоязе означало, что теперь их следует считать неправильно объявленными врагами народа{692}.

В той или иной степени тему культа личности затронули Г.М. Маленков, С.Д. Игнатьев, бывший в 1951-1953 г. министром государственной безопасности СССР, О.В. Куусинен и даже Каганович с Молотовым. Последний в конце своей обширной речи, сказав, что ЦК «твердо выступил против чуждого марксизму-ленинизму культа личности, сыгравшего в определенный период такую отрицательную роль», под аплодисменты делегатов выразил уверенность в том, что «настоящий съезд полностью одобрит эту принципиальную установку»{693}. И лишь один председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов избежал упоминания и осуждения культа личности, ограничившись указанием на необходимость и впредь укреплять ленинский принцип коллективности в работе{694}.

Между тем, 18 февраля Хрущеву представили первый вариант доклада о культе личности, завизированный Пospelовым и Аристовым{695}. Взяв его за основу, он 19 февраля диктует стенографисткам дополнения к нему{696}.

22 февраля состоялось еще одно заседание Президиума ЦК. Вообще-то оно не могло считаться правомочным, ибо ЦК, его президиум и секретариат с началом работы съезда как бы складывали свои полномочия до новых выборов, а все вопросы, которые могли возникнуть в это время, подлежали решению или самого съезда, или его президиума. Но что было, то было. Не Хрущев вводил подобные порядки. Именно на этом заседании, вероятнее всего, и решались окончательно последние вопросы, связанные с предстоящим оглашением доклада о культе личности. И именно на нем, судя по всему, было решено зачитать этот доклад не во время обсуждения кандидатур в новый состав ЦК, а уже после выборов, перед закрытием съезда. Вполне возможно, что тогда же Хрущев сделал еще одну уступку, обещав не ворошить дел, слушавшихся на открытых судебных процессах 1936-1938 гг. И еще одно решение было принято тогда же, о котором Молотов вспоминал на июньском пленуме ЦК 1957 г.: члены Президиума ЦК выступать по этому вопросу не будут{697}.

В свете всего вышеизложенного можно попытаться объяснить содержащиеся в воспоминаниях Хрущева и Кагановича утверждения, будто вопрос об оглашении доклада о культе личности решался на самом съезде, о чем уже говорилось в начале этой главы. По-видимому, сказалась абберрация памяти мемуаристов. Причем двойная. Ведь споры начались 21 или 23 января и закончились 22 февраля в одном и том же помещении – комнате отдыха за

авансценой зала заседаний Большого Кремлевского дворца. К тому же, между заседаниями Президиума ЦК 9 и 22 февраля не прошло и двух недель, на первом из них решали, оглашать доклад на съезде или нет, на втором – о чем конкретно говорить и когда именно. И там, и там спорили ожесточенно и при остром дефиците времени (в последнем случае – в перерыве между заседаниями съезда). Разве не трудно было много лет спустя перепутать оба эти события, помнить о них как об одном и том же?

Пока высшее партийное руководство изучало проект доклада, некоторые из делегатов, проведавшие, что скрывает эвфемизм «культ личности», поспешили предложить свои услуги. 24 февраля маршал А.И. Еременко посылает Хрущеву записку: «Если Вы будете в своем докладе по особому вопросу касаться военных дел и если найдете нужным в той или иной степени коснуться Сталинградской битвы, то по этому вопросу докладываю настоящую справку». Суть ее заключалась в утверждениях, что решения Сталина по оперативно-организационным вопросам обороны города «чуть ли не привели к падению Сталинграда» и что «если бы был принят план Сталина по разгрому войск Манштейна., то Манштейн, безусловно, выполнил бы свою задачу и освободил бы окруженных»{698}.

В одной из папок, содержащей тексты и заготовки выступлений председательствующих на заседаниях съезда, имеется такой документ: «Объявить в конце утреннего заседания. «Сегодня в этом зале состоится заседание совета представителей делегаций. В 6 часов состоится закрытое вечернее заседание съезда. На этом заседании присутствуют делегаты с решающим и делегаты с совещательным голосом»»{699}. Документ этот не датирован, но, без всякого сомнения, относится к 24 февраля, когда состоялись выборы руководящих партийных органов.

Согласно стенограмме этого заседания, открывший его Хрущев предоставил слово Сулову, а тот, «по поручению совета делегаций», внес предложение увеличить количественный состав Центрального комитета и Центральной ревизионной комиссии для того, «чтобы усилить представительство союзных республик, а также целого ряда новых областей, созданных у нас в Российской Федерации в последнее время». Предложение это было одобрено. После этого Сулов зачитал списки кандидатур, выдвигаемых в члены ЦК (133 на 133 места), в кандидаты в члены ЦК (122 на 122 места) и в члены ЦРК (63 на 63 места).

– Вот список названных товарищей, – подводит промежуточный итог Хрущев под аплодисменты присутствующих. – Будут ли отводы товарищам, названным в состав Центрального комитета? У кого?

Из зала раздалось: – Нет! И снова бурные аплодисменты.

– Отводов никто никому не дает, – констатировал Хрущев. – Будут ли дополнительно названы кандидатуры для голосования?

И опять голоса из зала:

– Нет!

Хрущев для проформы спрашивает еще раз:

– Никто не назовет других кандидатов? И в который раз слышит дружное «нет», после чего объявляет (разумеется, под «бурные, продолжительные аплодисменты»):

– Тогда принимаются названные, выставленные кандидаты для голосования в состав Центрального комитета{700}. Затем поднятием карточек избирается счетная комиссия из 33 человек, и Хрущев объявляет перерыв на два часа (до 9 часов 30 минут) для подготовки зала к голосованию{701}.

В тот же вечер, но уже после голосования, собралась счетная комиссия. Избрав своим председателем заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Громова, она принялась считать бюллетени по выборам членов ЦК. Их было роздано 1341, все они были опущены в урны и признаны действительными. Но только в 11 из них кандидаты оказались вычеркнутыми. По 1 голосу против получили секретари ЦК Хрущев и Аристов, первые секретари Московского горкома и Челябинского обкома Е.А. Фурцева и Н.В. Лаптев, а также маршалы И.С. Конев и Р.Я. Малиновский. Министр обороны маршал Г.К. Жуков получил 2 голоса против. А Маленков «схлопотал» 3.{702}

Шпаргалка для председательствующего на следующем и тоже закрытом заседании съезда очень лапидарна: «25 февраля, утро. Председательствует тов. Булганин. Доклад т.

Хрущева»{703}. Стенограмма этого заседания тоже довольно краткая и включает в себя вступительное слово Булганина, зачитанный им проект постановления съезда «О культе личности и его последствиях», а также следующее пояснение: «Имеется в виду, что доклад тов. Хрущева Н.С. и принятое съездом постановление “О культе личности и его последствиях” не публикуются в настоящее время, но эти материалы будут разосланы партийным организациям»{704}.

Стенограмму предваряет текст самого доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях». С достаточной долей вероятности можно считать его первым экземпляром. Он без правки и пометок, если не считать трех вставок, касающихся предупреждений 1941 г. из Лондона и Берлина о готовящейся войне, депортации кавказских народов в 1944 г. и так называемого «Ленинградского дела». Текст этот идентичен тому, что был опубликован в 1989 г. {705},³

Возникает вопрос: как строго придерживался его Хрущев? не отвлекался ли от него? не давал ли волю эмоциям? и что говорил, если его «заносило»? На этот вопрос могла бы ответить магнитофонная запись. Она наверняка велась⁴. Но, как утверждают архивисты, у них ее нет. Можно ли им верить? Ведь и сейчас некоторые из них продолжают утверждать, что «стенограммы в архиве не было – она на съезде не велась», что машинописный текст доклада о культе личности «не сохранился, потерян» и «до сих пор так и не найден», что при подготовке доклада к публикации они пользовались отпечатанной типографским способом брошюрой с грифом «не для печати», которую зачитывали после съезда на партийных и комсомольских собраниях и которая представляла собой правленный Хрущевым текст, разосланный членам Президиума ЦК 1 марта 1956 г. {706} Одно другого не исключает. Вполне возможно и даже весьма вероятно, что брошюра полностью повторяла окончательный текст доклада, который лежал перед глазами Хрущева 25 февраля и на который он получил санкцию от своих коллег 22 февраля. А многое из «отсебятины» ему пришлось убрать, но не все.

Направляя 1 марта 1956 г. членам и кандидатам в члены Президиума ЦК отредактированный текст своего доклада, Хрущев сообщал, что, «если не будет замечаний по нему, он будет разослан партийным организациям». Замечания были. В текст вклеены машинописные вставки на отдельных листочках. Например, в разделе о методах работы НКВД с арестованными появляется фраза: «Вот какие подлые дела творились в то время! (Движение в зале)». Появились и вставки об отношении Сталина к Жукову, об одном приватном разговоре Хрущева с Булганиным: «Вот иной раз... сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут, или домой, или в тюрьму». Имеются и дополнения, внесенные аккуратным почерком чернилами или карандашом. Так, например, вставлено «прославившее» Хрущева утверждение, что Сталин планировал фронтовые операции по глобусу: «Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта». Правда, не вся правка носила столь обличительный характер. Имелись вставки и иного плана, прямо скажем, – охранительного. Вот одна из них: «Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать пред ними наших язв»{707}. Но подобная оговорка скорее всего была уступкой первого секретаря ЦК его более осторожным и более осмотрительным коллегам, она ни в коем случае не отражала его тогдашних настроений: если бы это было не так, ему пришлось бы вычеркнуть значительную часть своего доклада.